

*І. Модебадзе, д-р філол. наук,
Інститут грузинської літератури імені Шота Руставелі*

**"КАК МНОГО ОБЩЕГО У ЭТОГО НАРОДА С НАШИМ!
(ТАРАС ШЕВЧЕНКО И ГРУЗИЯ)"**

Тарас Шевченко никогда не бывал в Грузии, но с большой любовью и уважением относился к нашему народу и его исторической судьбе. Грузинская интеллигенция, высоко ценя поэтический гений украинского поэта, видела в великом Кобзаре истинного Патриота и певца Свободы.

Первая часть нашего доклада освещает свидетельства современников об интересе, проявленном Тарасом Шевченко к Кавказу и Грузии. Во второй части мы уделяем внимание рецепции творчества великого сына украинского народа и его оценке деятелями грузинской культуры. Особое внимание будет уделено поэме "Кавказ", общности интересов, тем и мотивов в творчестве Тараса Шевченко и грузинской литературе той эпохи.

Ключевые слова: Тарас Шевченко, Грузия, Ак. Церетели, поэма "Кавказ".

"Таких великих людей производит только великая нация, но они, кроме своей нации, принадлежат и другим (народам – И.М.), а потому позвольте и нам, грузинам, присоединиться к вашему торжеству и почтить память великого украинца" [23, 564].

Эти слова, прекрасно выражают испытываемые мною чувства, но их авторство принадлежит не мне. В начале XX века, обращаясь к украинскому народу на юбилейном вечере в честь столетия со дня рождения Т. Шевченко, их произнес великий грузинский поэт – князь Акакий Церетели. Грузинская общественность высоко ценила поэтический гений и гражданское мужество Великого Кобзаря, и, несмотря на то, что в 1914 году проведение юбилейных торжеств и чествование Тараса Шевченко было запрещено властями, Грузия открыто продемонстрировала свою любовь и уважение: "в прессе опубликовали статьи о жизни и деятельности украинского поэта, напечатали новые переводы его стихотворений" [15, 311]³, а 15 апреля 1914 г. в Народном доме⁴ состоялся посвященный Т. Шевченко вечер с участием украинских артистов.

Вспоминая об этом вечере, известный грузинский поэт Иосиф Гришашвили писал: "Акакий (Церетели – И.М.) вышел на сцену... Овацiami не было границ. Когда аплодисменты утихли, он начал: "Да, я лично знал батька Тараса Григорьевича Шевченко..." Слова эти вызвали новую бурю аплодисментов. Люди поднялись с места

³ Здесь и в дальнейшем перевод с груз. наш – И.М.

⁴ Сейчас в этом здании располагается театр им. К.Марджанишвили.

и стояли до тех пор, пока Акакий закончил свои воспоминания. Красивое и содержательное выступление нашего поэта аудитория выслушала стоя. Украинцы обнимали грузин, находившихся в партере, и целовали их. Это была воистину волнующая картина дружбы двух народов и в то же время протест против политики царизма, запрещавшего даже упоминание имени Шевченко. <...> Свою речь Акакий закончил следующими словами: "Любите свою родину и родной язык так, как любил их покойный Шевченко, и это будет лучшей наградой, нерукотворным могучим монументом, воздвигнутым для увековечивания памяти о нем". Эти слова были заветными словами, исторгнутыми из груди всего грузинского народа. Закончив свою речь, Акакий приблизился к бюсту Шевченко, опустился на колени и склонил перед ним свою седую голову. Эта картина произвела неизгладимое впечатление <...> Зрители восторженными аплодисментами и возгласами потрясли стены театра" [17, 188–189]. И, конечно же, "это был мужественный поступок гражданина, который демонстративно, на глазах полиции, преклонив колени перед бюстом опального Шевченко, еще раз подчеркнул свое благоговейное отношение к его памяти" [1, 161].

Тарас Шевченко никогда не видел Грузии, но, отмечая сходство исторических судеб украинского и кавказских народов, он проявлял большой интерес к ее настоящему и будущему. В конце XX века наша страна добилась независимости, и вот в начале XXI века (точнее, 2 марта 2007 г.) жители Тбилиси увидели Великого Кобзаря задумчиво сидящим в сквере напротив самого старого корпуса Государственного университета им. И.Джавахишвили - того самого, построенного на народные деньги, Первого корпуса первого национального университета, к созданию которого еще в XIX веке стремились лидеры национально-освободительного движения Ак. Церетели и Илья Чавчавадзе. Реализация их мечты стала возможной лишь в период недолгого существования независимой Грузинской Республики (1918–1921 гг.): благодаря усилиям ученого и общественного деятеля Иванэ Джавахишвили⁵, в 1918 г. открылся первый национальный университет на Кавказе. Поэтому появление Великого Кобзаря именно на этом месте представляется более чем символичным и тбилисцы отреагировали в свойственном им стиле – они создали новую городскую легенду.

Оказывается, Т. Шевченко, душа которого и в наши дни не перестает печься об Украине, незримо сопровождал во время официального визита в Грузию правительственную делегацию своей

⁵ С 1989 г. университету присвоено его имя.

страны. Он решил внимательней присмотреться к тому, как строит новую жизнь независимая Грузия, ту самую вольную жизнь, о которой когда-то они беседовали в Петербурге с Акакием Церетели. Задумавшись о будущем наших народов, Кобзарь присел в сквере на камень, и душа поэта навечно материализовалась в памятнике.

Во время открытия памятника президенты Виктор Ющенко (Украины) и Мих. Саакашвили (Грузии) заложили в его фундамент капсулу с землей из села Моринцы Черкасской области, где родился Тарас Шевченко. Так подарок Киевсовета Сакребуло г. Тбилиси навсегда соединил украинскую землю с грузинской. *"Памятник украинскому поэту смотрит прямо на установленный в университетском дворе бюст Акакия Церетели. Как будто исполнилось желание двух великих творцов, и символически они вновь встретились, вновь вместе"*, – отмечая символическую знаковую роль памятника в пространстве города, пишет проф. О. Баканидзе в Предисловии к двуязычному (украино-грузинскому) изданию произведений Т. Шевченко, осуществленному издательством ТГУ в честь этого события [13, 7].

Восприятие памятника тбилисцами представляется глубоко символическим: для грузинского народа Тарас Шевченко – душа вольнолюбивой Украины, Великий Кобзарь, все творчество которого созвучно основам грузинской национальной идеи, сформулированным еще в 1860 году признанным лидером национально-освободительного движения Ильей Чавчавадзе. Призывая свой народ беречь национальные ценности, тогда еще молодой Илья писал: *"От предков нам досталось три божественных сокровища: Родина, Язык и Вера"* [24, 61].

Родина, Язык и Вера *"до сих пор признаются идентификационно-программными словами нации"* [19]. И они же могут служить маркерами сетки ценностных ориентаций творчества Тараса Шевченко. Именно так интерпретировал в начале XX века значимость его творческого наследия Ак. Церетели: *"Разнообразна природа, но в этом разнообразии и заключается могущество и красота вселенной. <...> Немыслимо идти против природы. Для примера возьму себя. Я грузин и потому должен, прежде всего, стараться развить, усовершенствовать свои национальные особенности, т.е. язык, веру, историю и проч. И тогда только буду достойным собратом других. <...> Вы же украинцы, как славянское племя ближе к русским, но стоит только [отказаться] от ваших национальных особенностей, языка, истории и других, [убьете] в себе малоросса... Вот истина, которую проповедовал сто лет назад великий и симпатичный пророк Шевченко. Говорю симпатичный потому, что я знал его лично, и от него научился любви к родине"* [23, 564].

Было и еще одно, немаловажное, на мой взгляд, обстоятельство, способствующее тому, что творчество Шевченко оказалось столь близким грузинскому мышлению. *"В индивидуальном творческом методе Шевченко романтическая струя не исчезала, а своеобразно синтезировалась с реалистическим. <...> Это являло собой <...> широкую творческую свободу и богатство образного мышления во имя адекватно полного изображения мира, человека"* [12].

Сложное единство романтических и реалистических элементов характерно также и для стилевой традиции грузинской поэзии. Поэтому специфика образного мышления Т. Шевченко, органически сопрягаясь с поэтикой родной литературы, облегчает грузинскому читателю рецепцию его произведений.

"Как много общего у этого народа с нашим!" К такому выводу пришел украинский поэт, выслушав рассказ Ак. Церетели о Грузии, об истории нашего народа, о деятельности Св. Нино, о принятии грузинами христианства, о грузинской письменности, о литературе (Руставели, Чахрухадзе, Мосе Хонели) и фольклоре.

Их встреча состоялась весной 1860 года в Петербурге на квартире проф. Н. Костомарова, где собирались лучшие представители петербургской интеллигенции. *"Следует полагать, что еще до личной встречи с Шевченко Акакий уже хорошо знал его творчество, его грозную музу"* [14, 172]. Беседа единомышленников продлилась до трех часов ночи и произвела неизгладимое впечатление на тогда еще молодого грузинского поэта. Позднее в статье "Мои воспоминания о Шевченко" он поделился некоторыми деталями этого разговора с читателями газеты "Закавказье" (1911, №45). Акакий вспоминал о проявленном украинским поэтом интересе к законам и историческим формам национального судопроизводства (XIV–XVIII вв.), к истории грузинского православия, наличию/отсутствию ересей, самому факту существования христианского государства на границе с мусульманским миром. Фоном к вопросам-ответам служило сравнение с историей европейского христианства. По словам Акакия, поэт много рассказывал об Украине, унии и судьбе родного народа. Конечно, далеко не все из сказанного той ночью могло стать достоянием общественности. Впрочем, зная образ мыслей украинского и грузинского поэтов, несложно догадаться, что разговор касался и наиболее болезненных вопросов: угнетенного положения родных народов и освободительных идей, бывших знаменем той эпохи. *"Разошлись мы друзьями, – вспоминал Ак. Церетели, – дав друг другу обещание встречаться почаще. Но, увы, моему счастью не удалось сбыться: я заболел тифом и пролежал в постели три месяца. В это время он уже уехал на Украину, и*

после того мне не пришлось встречаться с ним. Только первая и последняя встреча осталась у меня светлым воспоминанием на всю мою жизнь. Признаюсь, я в первый раз понял с его слов, как надо любить родину и свой народ..." [10].

Конечно же, о нашей стране и грузинах Великий Кобзарь знал задолго до встречи с Ак. Церетели. Источниками информации о Кавказе, прежде всего, служило творчество высоко ценимых им А. Пушкина и М. Лермонтова⁶. О постоянстве интереса Тараса Шевченко к Грузии узнаем из воспоминаний литератора А.С.Афанасьева-Чужбинского, часто бывавшего на Кавказе. Он вспоминал, что поэт нередко обращался к нему с просьбой: *"Ось сядь та розкажи мені про Грузію"* [4, 93]. Шевченко мог слышать о Грузии и от других, в частности от Георгия Майсурадзе (1817–1885), судьба которого чем-то напоминает судьбу самого Т. Шевченко.

Георгий Майсурадзе – крепостной тестя А. Грибоедова, князя Александра Чавчавадзе, как и Тарас Шевченко, рано проявил талант к живописи. Прогрессивно мыслящий общественный деятель и поэт, Ал.Чавчавадзе в 1837 году даровал юноше вольную и поощрял его занятия живописью. Когда был раскрыт антиправительственный Заговор 1832 года, Ал. Чавчавадзе арестовали и сослали в Тамбов, но позже отозвали в Петербург, где он прожил три года (1834–1837 гг.). По словам искусствоведа Ш. Квасхвадзе, *"Заговор 1832 года, в результате которого А.Чавчавадзе подвергся ссылке, чуть не загубил карьеру будущего художника, но Чавчавадзе и в России не забыл о нем и при первой же возможности призвал к себе"* [5]. Работы молодого грузина привлекли внимание Тропинина и Венецианова. Позднее с ними познакомился и А. Пушкин, который представил юношу К.Брюллову, ставшему впоследствии его учителем и покровителем. По настоянию Брюллова Георгий поступил в Петербургскую академию художеств, которую окончил в 1844 году. Таким образом, *"первый грузинский художник-реалист – Г. Майсурадзе учился в Петербурге вместе со славным сыном украинского народа – Т. Шевченко"* [22, 89], который именно в этот период также обучался у Брюллова. О том, что молодые люди были знакомы и находились в дружеских отношениях, писали многие грузинские ученые: Ир. Хмаладзе [22], Ш. Квасхвадзе [18, 160], Гр. Надареишвили [21, 89–91] и др. Поэтому совершенно логичным

⁶ Напомним, что «Кавказ» – понятие скорее символическое, чем просто собирательное, границы его достаточно пластичны, а наполнение зависит от того, кто, когда и в каком контексте его использует. В начале XIX века оно охватывало все, что было связано с территориями, прилегающими к Кавказскому хребту, в том числе и теми, которые в XX веке стали называть Закавказьем [см. 8, с. 268].

представляется предположение проф. И.С.Богомолова: *"По всей вероятности, именно Г.Майсурадзе послужил одним из источников сведений об угнетенном положении грузинского народа, об его думах и чаяниях, нашедших отражение в замечательной поэме Шевченко"* [1, 156].

Поэма, о которой идет речь, конечно же, "Кавказ". Написанная осенью 1845 г., она посвящена памяти Якова де Бальмена – друга поэта и иллюстратора рукописного "Кобзаря" (1844 г.). От него Шевченко также мог слышать о Кавказе и Грузии. Поэма интересна для нас во многих смыслах. Прежде всего, *"глубоко личный мотив, вызванный известием о его гибели на Кавказе, где он (де Бальмен – И.М.) находился в составе русского экспедиционного корпуса, придав политической инвективе эмоциональную взрывчатость; но, в свою очередь, этот личный мотив, – что очень характерно для Шевченко вообще, – принял на себя мощный заряд более широких рефлексий и страстей национально-исторического и универсально-гуманистического характера <...> "Кавказ" стал свидетельством адекватного представления поэта о происходившем. Причем это было не только, так сказать, принципиальное знание на уровне целостного образосмысления природы российского царизма (это понятно: Украине уже пришлось выпить "з московської чаші московську отруту", и этот трагический опыт дал Шевченко такую прозорливость и четкость видения, такую силу предостерегающего слова к человечеству, к которым тогда не возвысился никто другой), – но и знание на конкретном информационном уровне: имею в виду историческую точность, ситуационную зримость, почти документальность многих подробностей колониального действия", – отмечает И. М. Дзюба, подчеркивая, что "в истории мировой литературы немного найдется примеров, чтобы поэтическое произведение полтора столетия не теряло своей политической злободневности и моральной остроты, звучало так, будто рождено болью за нынешнее состояние человечества"* [3, 129–130]. И это действительно так – призыв не сдаваться и бороться за свою свободу и в наши дни не потерял своей актуальности и мощного эмоционального импульса:

Борітеся – поборете,
Вам Бог помагає!
За вас правда, за вас слава
І воля святая!

Вы боритесь – поборете,
Бог вам помогает,
С вами правда, с вами слава
И воля святая!

Тарас Шевченко "Кавказ", 1845
(пер П. Антокольского)

Характер происходящего на "засеянном горем, кровию политом" Кавказе подчеркивает образ Прометея, которого "карает"

орел. Контекст подсказывает: речь не о мифическом орле, но об орле двуглавом:

*За горами гори, хмарою повиті,
Засіяні горем, кровію політі.*

Споконвіку Прометей

Там орел карає,
*Що день божий добрі ребра
Й серце розбиває.*

Розбиває та не вип'є

Живущої крові, –

Воно знову оживає

І сміється знову.

Не вмирає душа наша,

Не вмирає воля.

І неситий не виоре

На дні моря поле.

Не скує душі живої

І слова живого.

*За горами гори, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.*

Спокон веку Прометей

Там орел карает,

*Что ни день, долбит он ребра,
Сердце разбивает.*

Разбивает, да не выпьет

Крови животворной –

Вновь и вновь смеется сердце

И живет упорно.

И душа не гибнет наша,

Не слабеет воля,

Ненасытный не распахнет

На дне моря поля.

Не скует души бессмертной,

Не осилит слова

Тарас Шевченко "Кавказ", 1845

(пер. П. Антокольського)

Следует особо оговорить, что, как свидетельствует лексико-стилистический анализ поэтических контекстов, проведенный О. Мацько, это единственный случай использования Т. Шевченко лингвокультуры *орел* "с пейоративной коннотацией". И если в целом для поэта характерно использование символики *орла* "в русле романтической традиции XIX века – как западноевропейских, так и украинских поэтов (П. Кулиш, Е. Гребенка, Л. Боровиковский, А. Метлинский) – для возвеличивания героических личностей украинского национально-освободительного движения, для прославления высоких духовных устремлений, мужества и неодолимой силы", то в данном случае в противопоставлении *орел* – *Прометей* реализуется оппозиция "тиран – человеколюбец" [6, с. 239–240].

Как видим, отсылая нас к греко-римской мифологической традиции, упоминание *Прометей* меняет приоритеты: на первый план выступает символика архетипа, интерпретирующего *орла* как персонификацию грозного верховного божества (Зевс). Таким образом, если в первом случае интерпретация мифологемы ("возвеличивание", "прославление") ближе к украино-славянской фольклорно-мифологической традиции, то в поэме "Кавказ" она напрямую ассоциируется с европейской культурной традицией (напомним, что как геральдический символ, орел присутствует во многих гербах) и созданным романтической поэзией XIX века ее славянским инвариантом (верховная/державная власть → единовластие → самодержавие). Об этом же свидетельствует и то,

что его оппозицию – образ Прометея (символ непокорных гор и несломленной воли) мы встречаем и в других, посвященных Кавказу произведениях той эпохи: в стихотворении близкого декабристам поэта В.Г.Теплякова "Кавказ", в одноименном стихотворении Ал.Чавчавадзе, в "Путевых записках" А. Грибоедова, в творчестве Ак. Церетели ("Торнике Эристави") и др. Как устойчивая метафора борьбы кавказских народов с самодержавием, он становится одной из составляющих культурной парадигмы того времени. Поэтому закономерным представляется, что в стихотворении известного грузинского поэта Георг. Леонидзе, прочитанном им в Каневе на могиле Т.Шевченко в 1939 году, Прометеем назван сам борец за свободу украинского народа (в оригинале читаем "*поэт-Прометей*", что однозначно подчеркивает орудие борьбы):

*თუ შენი ჩანგი კვნესოდა,
სისხლი სდიოდა ღვარული,
კავკასის კვნესაც გესმოდა,
ჩვენი ბორკილის ჟღარუნიც.*

*Ты бесконечно дорог тем, что трона
Своею лирою не услаждал,
Что моего Кавказа слышал стоны
И нашу боль по-братски разделял.*

*შენ აკაკისთვის სამშობლოს
ტრფიალი გადაგილოცავს;
პოეტო-პრომეთეოსო,
მუხლს გიყრის საქართველოცა!
ტარას შეგჩენოს [20, с. 282–288].*

*Учился наш Акакий Церетели
Любви к родному краю у тебя.
О Прометей! Отчизна Руставели
Перед тобой склоняется любя.
Тарасу Шевченко*

Творчество Тараса Шевченко увлекло представителей грузинской интеллигенции (Ил. Чавчавадзе, Кирилле Лордкипанидзе, Г. Церетели, Ак. Церетели и др.) еще в начале 60-ых годов XIX века [см 16, 184]. Грузинские "шестидесятники" многое сделали для его популяризации: в газетах публиковались посвященные Шевченко статьи, сообщалось об издании его книг. Но на родном языке с произведениями украинского поэта широкие читательские круги начали знакомиться в 1881 году, когда Ил. Чавчавадзе опубликовал в своем журнале "Иверия" (№ V) перевод поэмы "Наймичка" /"Батрачка"/:

*დილის ბურუსით დაფარულს
ველს ტკბილად ჩასძინებოდა
და ამ ბურუსში, ამ ნისლში
ერთს სერზედ ნელ-ნელ ჩნდებოდა*

*ყმაწვილი ქალი ქაწია...
მას ხელში რაღაც პაწია*

*ქობრა, გულში იკრავდა
და ბურუსთან ბასობდა.
"მუშა ქალი", 1881*

*У неділю вранці-рано
Поле крилося туманом;
У тумані, на могилі,
Як тополя, похилилась*

*Молодиця молодая.
Щось до лона пригортає
Та з туманом розмовляє.
"Наймичка", 1845*

*В воскресенье утром рано
Поле крылось туманом;
В тумане, на могиле,
Как тополь, похилилась
Женщина молодая.
Что-то к груди прижимает
И с туманом разговаривает
"Служанка"/"Батрачка"*

В 1877 г., находясь в Киеве, поэму перевел известный грузинский писатель Нико Ломоури (1852–1915). Проблематика поэмы не только отвечала его личному настрою, но была близка грузинской действительности того времени. В процессе перевода, в соответствии с переводческими нормами того времени, оригинальный текст подвергся культурной адаптации: поэма переведена восьмисложным шаири – характерным для грузинского стихосложения размером, а украинские имена заменены грузинскими. Поэтому с позиции требований сегодняшнего дня художественная ценность этого перевода оставляет желать лучшего, но в свое время, благодаря избранной писателем переводческой стратегии культурный барьер был сведен до минимума, и текст Т. Шевченко стал ближе грузинскому читателю. "В целом же перевод Н. Ломоури был весьма удачным и пользовался заслуженной популярностью в читательских кругах" [1, 164–165]. Он сыграл огромную роль в деле популяризации творчества украинского поэта в Грузии. За первым переводом последовали и другие: Т. Шевченко переводили Мамия Гуриели (1836–1891), Силован Хундадзе (1860–1928), Доменти Томашвили /Д. Окрешидзе (1876–1952), Давид Нахуцришвили /Датико Иврели, Сико Пашалишвили, Мих. Кинцурашвили (1885–1955) и др.

В начале прошлого века со страниц "Народной газеты" громко прозвучал призыв известного грузинского общественного деятеля, создателя первого грузинского букваря, Якоба Гогешаши, Якоба Гогешаши,

содержавший четкую программу переводческой деятельности: *"Советую нашим поэтам обогатить нашу литературу переводами произведений Шевченко. Эти переводы надо печатать вначале в газетах и журналах, а затем издавать отдельными книгами"* [16, 372]. Его слова не остались без ответа: над переводами произведений Т. Шевченко работали многие известные грузинские писатели и поэты: Сандро Шаншиашвили, Конст. Лордкипанидзе, С.Чиковани, Джансуг Чарквиани, Амир. Асанидзе, Гиорги Цибахашвили, Рауль Чилачава, Тристан Махаури, Ния Абесадзе, Кахабер Чеишвили, Русудан Чантуришвили и др. Переводы публиковались на страницах периодической печати, а затем издавались *"отдельными книгами"*.

Последние из названных мною имен принадлежат нашим современникам: несмотря на то, что на сегодняшний день практически все творческое наследие Великого Кобзаря переведено на грузинский язык, работа переводчиков не прекращается. Конечно, не все созданные за два века переводы имеют равную художественную ценность, и в этом смысле понятно стремление к созданию новых версий. Кроме того, не следует забывать и о специфике переводческой деятельности. *"Переводчик не репродуцирует подобно копиисту уже существующее речевое произведение. <...> Его искусство в том чтобы создать новое произведение в иной семиотической системе, для иной культурной среды, иногда и для иной эпохи"* [2, 357]. Это творческий процесс, подразумевающий преодоление культурной дистанции и герменевтическое понимание смыслового богатства оригинала [см.: 7, 153–154], т.е., в конечном итоге, все то, что мы подразумеваем под интерпретацией переводимого текста⁷. Чем ярче образность оригинала, чем больше смыслов он таит, тем выше вариативность интерпретации. Процесс перевода гениальных произведений не имеет временных границ, поэтому и процесс освоения творческого наследия великого украинского поэта также все еще далек от завершения. И, в заключение нашего краткого обзора, хотелось бы выразить уверенность в том, что работа над созданием новых переводов будет продолжаться, и новые поколения грузинских читателей ждут новые открытия смыслового богатства поэзии великого сына украинского народа.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Богомолов И.С. Голос грузинской общественности / И.С. Богомолов // Шевченко и мировая культура - М.: Наука, 1964. – С. 155–167.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода / Н.К. Гарбовский - М.: Изд-во МГУ, 2007. – 543 с.

⁷ Сущность интерпретации П. Рикер определяет как *«работу мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении»*, т.е. обнаружении *«множественности смыслов»* [9, 18].

3. ჰ. ღ. ღ. ღ. "კავკაზ" ტარას ღევენკო ნა ჟონე ნუპრეჰოღიეღო ჟროღოღო (1996) / ი.ი. ღ. ღ. ღ. // ჟოლიტუკსკაა კონცეპტოლოგია. – 2012. – №2. – ჸ. 89–159. on-line: <http://politconcept.sfedu.ru/2012/2/06.pdf> 4.
4. იმეღღე ზ. ღევენკო უ გუგია / ზ. იმეღღე // ლიტერატურაა გუგია. – 1961. – №3. – ჸ. 93–96.
5. კეასჰაღე ზ. ჰოღოღიკ იკ ნაროღა / ზ. კეასჰაღე // გაკ. "ვეჩერნიი ტბილისი". – 1962. – №168.
6. მაღკო ი. ლინგოკულტურემა "ორელ" უ ჟოეტიკნიი ტვორკოსი ტარას ღევენკო / ი. მაღკო // ღევენკოზნაღიკ სტუდიი, ზუღსკ იშინაღღაღიი. – ჸ. 233–241 – (ნა უკრ. ჟ.). on-line: <http://www.univ.kiev.ua/ua/geninf/Shevchenko-200/publikacii/>
7. მოღეღღე ი.ი. სვობოღა უ ნეოღოღიკოსტ: ჟონიღამიე უ ინტერპრეტაღია ვ ჟერეღოღე / ი.ი. მოღეღღე // ლიტერატურული ძიეღანი (ლიტერატურნე რაღსკანი), თ. XXXIII. – ტბილისი: იკღ-იო ინსტიტუტა გუგინსკოი ლიტერატურა, 2012. – ჸ. 153–170.
8. მოღეღღე ი.ი. კავკაზ (გუგია) უ ჰოღოღესტვენკო-რომანტიკსკაა კარტინა მიროოსტრისტა ვ რუსკოი ჟოღიი XIX ჟეკა / ი.ი. მოღეღღე // IV სურგუეკსკე ჩენღია. ლოკალნაა ლიტერატურა უ მიროვი ლიტერატურნიი ჟროეს. – სტავროპოღ, 2007. ჸ. 268–274.
9. რიკერ ჟ. კონფლიტ ინტერპრეტაღიი. იჩერკი ი გერმენეტიკე. / ჟ. რიკერ. – მოსკოვ: "მედიუმ", 1995. – 415 ს.
10. ჸერეტელი აკაღიი. მიი ვოსპონიღანი ი ღევენკო / აკაღიი ჸერეტელი // გაკ. "ზაკავკაღე". – 1911. – №45.
11. ღევენკო ჟ.გ. იკღრანიე სოღინენი: ჟერ. ს უკრ. / ჟ.გ. ღევენკო. – მ.: ჰოღმი, 1987. – 559 ს.
12. ღეოღიკი ღევენკო იო რომანტიზმა ღო რეალიზმა. on-line: <http://www.school-essays.info/evolyuciya-shevchenko-ot-romantizma-do-realizma/>
13. იოღარ ზაღენიღე (ბაკანიღე ი.ა.). წინათუღა (ღრეღისოღე) / ბაკანიღე ი.ა. // კარას ზეღენკო (ტარას ღევენკო). ძიეღიკ... იღიო ძიეღის (ზა გორამი გორი). – ტბილისი: იკღ-იო ტღუ, 2007. – ჸ. 5–7 (ნა გუგ. ჟ.).
14. იოღარ ზაღენიღე (ბაკანიღე ი.ა.). ჸართულ-უკრაინულ ლიტერატურულ ურთიეროღიღან (იკ გუგინო-უკრაინსკი ლიტერატურნიი სვღეღი). / ი.ა.ბაკანიღე – ტბილისი: "მერანი", 1968. – ჸ. 161–220 (ნა გუგ. ჟ.).
15. თენგიზ ზუაღიღე (ბუაღიღე ტენღი). ლიტერატურულ ურთიეროღიღათა ისტორიიღან (იკ ისტორიი ლიტერატურნიი სვღეღი). / ტენღი ბუაღიღე. – ტბილისი: "ღროსვეღენიე", 1968. – ჸ. 293–316 (ნა გუგ. ჟ.).
16. ი. გოგეღაღიი (გოგეღაღიი ჟ.). ზატარა ზარათი ღიღ ჟოღის ზესაღე (მალენკაა ზამეტკა ი ვეღიკო ჟოღე) / ჟ. გოგეღაღიი // "საღაღო გაღეტი" ("ნაროღნა გაღეტი"). – 1911. – №254 // ი. გოგეღაღიი (გოგეღაღიი ჟ.). თბულეღეღი (სოღინენი), თ. IV. / ჟ. გოგეღაღიი – ტბილისი: იკღ-იო გოსეღინსტიტუტა, 1955. – ჸ. 372–373 (ნა გუგ. ჟ.).
17. ი. გრიღაღიი (გრიღაღიი ი.). ზეღენკო ღა ჸართული მწერლოღა (ღევენკო უ გუგინსკა ლიტერატურა) / ი.გრიღაღიი // ი. გრიღაღიი (გრიღაღიი ი.). ლიტერატურული ნარკვეღეღი (ლიტერატურნე იჩერკი) / ი.გრიღაღიი. – ტბილისი: გოსიღმდ გუგ სსრ, 1952. – ჸ. 180–192 (ნა გუგ. ჟ.).
18. ზღღა კვასღეღე (კეასჰაღე ზაღე). გიორგი მიისურაღე. ჸართული რეალისტური ფერწერული ჟორტრეტის სათაღეღიღან (გიორგი მიისურაღე. უ ისტოღო გუგინსკოღო ზივოღისოღო რეალისტიკსკოღო ჟორტრეტა) / ზაღე კეასჰაღე. – ტბილისი: "საბღოტა საკარტველო", 1958. – 194 ს. (ნა გუგ. ჟ.).
19. ზურაღ კიკნაღე (კიკნაღე ზურაღ). მღღლი, ენა, სარწმუნოღა (ღოღინა, ჟღიკ, ვერა) / ზურაღ კიკნაღე – on-line: <http://lib.ge/book.php?author=53&book=9182> (ნა გუგ. ჟ.).
20. გიორგი ლეონიღე (ლეონიღე გიორგი). რღელი (იკღრანიე) / გიორგი ლეონიღე. – ტბილისი: "საბღოტა საკარტველო", 1958. – 399 ს. (ნა გუგ. ჟ.).
21. გრ. ნაღარეღიღიი (ნაღარეღიღიი გრ.). ტარას ზეღენკო ჸართულ ლიტერატურაში (ტარას ღევენკო ვ გუგინსკოი ლიტერატურე) / გრ. ნაღარეღიღიი. – ტბილისი: "ღოღნა", 1964. – 243 ს. (ნა გუგ. ჟ.).
22. ირ. ზღღაღე (ღმალაღე ირ.). თ.ზეღენკო ღა გ. მიისურაღე (ტარას ღევენკო უ გ. მიისურაღე) / ირ. ღმალაღე // "კოღმეღრნის ზღა" ("გოღს კოღოღიკი"). – 1954. – №33. ჸიღ. ჟო: – გრ. ნაღარეღიღიი (ნაღარეღიღიი გრ.). ტარას ზეღენკო ჸართულ ლიტერატურაში (ტარას ღევენკო ვ გუგინსკოი ლიტერატურე) – ტბილისი: "ღოღნა" – 1964. – 243 ს. (ნა გუგ. ჟ.).
23. აკაკი წერეთელი (ღერეტელი აკაღიი). რეღ კ უკრაინღამ / აკაღიი ჸერეტელი – აკაკი წერეთელი (ღერეტელი აკაღიი). თბულეღათა სრული კრეღული (ღოღნე სოღინენი), თ. XV. – ტბილისი: "საბღოტა საკარტველო". – 1963. – 564 ს.

24. ილია ჭავჭავაძე (Чавчавадзе Илья). ორიოდ სიტყვა თავად რევაზ მაღვას ძე ერისთავის კაზლოვიდან "შეშლილის" თარგმანზედა (Несколько слов о переводе "Безумной" Козлова князем Ревазом Шалвовичем Эристави) – ილია ჭავჭავაძე ლიტერატურისა და ხელოვნების შესახებ (Илья Чавчавадзе о литературе и искусстве), т. I. - Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1997. – С. 45–62 (на груз. яз.).

Надійшла до редколегії 11.03.14

Modebadze I.

"Як багато спільного в цього народу з нашим!"

(Тарас Шевченко і Грузія)

Тарас Шевченко ніколи не бував у Грузії, але з великою любов'ю і повагою ставився до нашого народу і його історичної долі. Грузинська інтелігенція, високо цінуючи поетичний геній українського поета, бачила в великому Кобзарі істинного Патріота і співця Свободи.

Перша частина нашої доповіді висвітлює свідчення сучасників про інтерес, виявлений Тарасом Шевченком до Кавказу та Грузії. У другій частині ми приділяємо увагу рецепції творчості великого сина українського народу і його оцінку діячами грузинської культури. Особливу увагу буде приділено поемі "Кавказ", спільності інтересів, тем і мотивів у творчості Тараса Шевченка та грузинської літературі тієї епохи.

Ключові слова: Тарас Шевченко, Грузія, Ак. Церетелі, поема "Кавказ".

Modebadze I.

"How many common things these people have with ours"

(Taras Shevchenko and Georgia)

Taras Shevchenko has never been in Georgia, but he had a great love and respect for our people and their historical destiny. Georgians, who highly appreciate the poetic genius of the Ukrainian poet, considered him as a true patriot and singer for freedom.

The first part of our article highlights the evidence of contemporaries, showing the interest which Taras Shevchenko paid to Caucasus and Georgia. In the second part we focus attention on the reception of the literary works of Ukrainian people's great son and also talk about the Georgian writers attitude to his poetry. Special attention will be paid to the poem "Caucasus", to the common motives of Taras Shevchenko's poetry and Georgian literature of that period.

Key words: Taras Shevchenko, Georgia, Ak. Tsereteli, the poem "Caucasus".